ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЖЕНСКОМ РЕПЕРТУАРЕ (НА ПРИМЕРЕ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА)

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение феномена женского исполнительства на основе готовящегося к изданию академического собрания текстов абхазского нартского эпоса (составитель и редактор З.Д. Джапуа). Тема статьи относится к малоизученным вопросам в кавказской фольклористике и в фольклористике вообще. Выделены более 40 женщин-исполнительниц и охарактеризованы их эпические репертуары. В исследовании определяются герои и сюжеты абхазского нартского эпоса, к которым обращаются женщины-сказительницы, жанровая природа и поэтико-стилевые особенности женских текстов.

Ключевые слова: женщины-сказительницы, женщины-исполнительницы, нартский эпос.

Zurab D. Dzhapua
Academy of Sciences of Abkhazia
Sukhum, Republic of Abkhazia

EPIC TRADITION IN FEMALE REPERTOIRE (ON THE EXAMPLE OF THE ABKHAZIAN NART EPOS)

Abstract. The purpose of this article is to study the phenomenon of female performance, based on the forthcoming academic collection of texts of the Abkhazian Nart epos (compiled and edited by Z.D. Dzhapua). The topic of the article refers to little-studied issues in Caucasian folklore studies and in folklore studies in general. More than 40 female performers have been identified and their epic repertoires characterized. The study identifies the heroes and plots of the Abkhazian Nart epos, to which women storytellers turn, the genre nature and poetical and stylistic features of female texts.

Keywords: women storytellers, women performers, Nart epos.

Эпос в женском исполнении — особый случай. Традиция эта почти не изучена, хотя имеются отдельные исследования, как, например, Г. И. Варламовой «Женская исполнительская традиция эвенков» (по эпическим и другим материалам фольклора) [Варламова 2008]. Женское исполнение, разумеется, в разных эпических традициях различно. В частности, у эвенков была сильна традиция исполнения женщинами героических сказаний [Варламова 2008: 23], а у якутов, шорцев и тувинцев мало женщин обращается к эпическому материалу.

Что касается кавказоведения, то, насколько мне известно, никто еще специально не изучал женщину как исполнительницу героического эпоса. Правда, доля женского репертуара, в частности, в нартских сказаниях, действительно, невелика, что, конечно, не умаляет роли женщины-сказительницы в трансмиссии нартского эпоса. Так, если в академических изданиях (в серии «Эпос народов СССР») адыгской, осетинской и карачаево-балкарской версий нартского эпоса [Алиев, Гадагатль, Кардангушев 1974; Хамицаева, Бязыров 1989; Ортабаева, Хаджиева, Холаев 1994] очень мало текстов (в осетинской вовсе нет), то в готовящемся к изданию академическом собрании текстов абхазского нартского эпоса в восьми томах («Нарты: Абхазский героический эпос / Составитель и редактор З. Д. Джапуа») 41 сказительница, которые превосходно исполняют эпические произведения.

На данном этапе я располагаю 85 нартскими текстами (вместе с повторными записями), сюжеты которых (147) посвящены образу центрального героя абхазского нартского эпоса Сасыркуа (103), образу Цвицва (8), образам Нарчхьоу, Гунды-красавицы и Хуажарпыса (17), образу Щаруана (9) и образам всех нартов (10). Из наших сказительниц наиболее интересными и талантливыми предстают: Цац Гамсания, Люба Джапуа, Машика Арстаа, Теуа Амчба (Куцниа), Маница Ахсалба (Берулаа), Назикуа Адзинба (Куталиа), Маниа Леиба (Ампар), Римма Авидзба (Даутиа) и другие.

Среди вышеназванных исполнительниц лучшей сказительницей по богатству репертуара (эпического, в частности) является Люба Джапуа (1925 г. р. из села Река Очамчирского района), которую мне посчастливилось открыть для себя в 1990 году. Тогда я в течение двух суток записал от нее на магнитофон более 15 часов материала. Она была в превосходном настроении и общалась со

мной с удовольствием: у нее был явно творческий подъем. В 1997 году мы с А. П. Какоба встретились с нею вторично и записали ее на диктофон и видеокамеру, но в тот момент она, к сожалению, была простужена, чувствовала себя плохо, и, соответственно, записывали мы ее лишь несколько часов.

Люба Джапуа была высокая, веселая и энергичная, ей был присущ архаичный, традиционный взгляд на мир; за пределы родных мест жительства (родом она была из села Уатап Очамчирского района) не выезжала, отличалась тонким художественным чутьем, артистичностью исполнения; ее тексты весьма устойчивы, и рассказывала она их с большим воодушевлением и увлеченностью; при исполнении меняла голос и интонацию (особенно в диалогах), жестикулировала (чаще руками). Было очевидно, что она чувствует персонажей своих произведений, словно сама сопровождает их по фольклорному пространству. Ее репертуар был очень широк и включал почти все жанры абхазского вербального фольклора; особенно выделялись ее сказочно-эпические знания. По ее словам, переняла свой столь богатый репертуар с детства от отца. В 14 лет она осиротела, умерли отец и мать, и ей одной пришлось воспитывать братьев и сестер. Отец ее любил горы, с детства часто поднимался в любимые места; и собственным детям он каждый вечер рассказывал сказки и другие тексты.

В 1990 году сказительница очень обрадовалась моему визиту, приняла меня как родного племянника (близко знала моего отца), безгранично распахнула передо мной свою фольклорную память и фольклорное знание. Во время нашей второй встречи я заметил, что время оставило на ее внешности и здоровье безжалостные следы — она заметно сдала, постарела, ослабла. Да и память стала ее подводить, дали знать о себе и тяжелые последствия войны 1992-1993 годов. Однако, несмотря на простуду, рассказывала она все так же превосходно, лишь несколько ускоряла и сокращала свои сюжеты.

Нартские сказания она помнила очень хорошо и охотно рассказывала. При этом, судя по всему, в ее репертуаре несколько преобладали сказки, потому, видимо, во всех (или почти во всех) ее эпических текстах чувствуются явные отголоски сказок: она была склонна к сказочной манере повествования и вкрапляла сказочные эпизоды и мотивы в эпические тексты, подчас контаминировала эпические сюжеты со сказочными либо переносила персонажей нартского эпоса в сказочный сюжет.

Нам удалось записать от Любы Джапуа 16 нартских сказаний (вместе с повторными записями), в большинстве из которых творчески контаминируются разные сюжеты и мотивы. Из ее эпического репертуара 17 сюжетов относятся к циклу сказаний о Сасрыкуа; три сюжета относятся к образам Нарчхьоу, Гунды-красавицы и Хуажарпыса; еще три сюжета посвящены сыну Елдызовых; один сюжет повествует о происхождении нартвов (в форме устного рассказа).

Как видно, Люба Джапуа помнила почти все сюжеты цикла сказаний о Сасрыкуа, мастерски соединяла множество сюжетов и мотивов об этом герое в одно сказание. Ее тексты отличаются стабильностью фольклорных стереотипов, лексическим богатством, диалогичностью; ее творческую манеру характеризует множество ремарок, творческих отступлений. Композиция, поэтика и стиль текстов сказительницы изобилуют диалогами между персонажами, сравнениями, звукоподражаниями, устойчивыми описаниями, восклицаниями.

В результате проведенного исследования выяснились некоторые особенные свойства женского исполнения абхазского героико-архаического нартского эпоса. По всей видимости, при выборе персонажей в женском репертуаре нет ничего уникального. Женщины-сказительницы отдают предпочтение центральному герою абхазского нартского эпоса Сасрыкуа, ему и посвящено подавляющее большинство сюжетов (103). Мы можем сравнить это с ситуацией в эвенкийской эпической традиции, где «женщины-исполнительницы, по обыкновению, повествуют лишь о жизни самого главного героя» [Варламова 2008: 63]. Правда, в абхазской эпической традиции в отличие от эвенкийской, женщины-исполнительницы немало сюжетов (44) рассказывают и о других героях.

Часть женских нартских текстов представляет собой сугубо эпические, художественно вполне совершенные тексты, что же касается другой части, то мы можем назвать их не совсем традиционно нартскими: это импровизированные, переиначенные композиции, в определенной мере сказочные (или явно сказочные) тексты. Последнее, как мне представляется, и есть характерная особенность репертуара женщин-сказительниц, исполняющих нартский эпос. В их творчестве сказочно-мифологическая манера повествования проявляется весьма прозрачно.

В одном случае ряд сюжетов, переданных женщинами-сказительницами, относится к сказочным произведениям, органично включенным в эпическое повествование, либо сказительницы некоторые тексты передают в сказочном изложении, в сказочной конструкции, словно «дополняют» сюжеты различными сказочными вставками и элементами. Например: непорочное зачатие Сасрыкуа [Джапуа

№ 197]; Сасыркуа освобождает братьев-нартов из царского плена [Джапуа № 266]; Сасыркуа спасает братьев-нартов от старухи-ведьмы [Джапуа № 253, 259]; Сасыркуа попадает в подземный мир, освобождает источник воды от запрудившего его дракона [Джапуа № 255, 259, 266, 268, 273, 275]; в поисках жены Сасыркуа посещает потусторонний мир [Джапуа № 286–287]; сыновьям Сасыркуа суждено было погибать от волка [Джапуа № 871]; Сасыркуа встречается с великаном-пахарем [Джапуа № 346]; Сасыркуа не отправляется в потусторонний мир [Джапуа № 386]; Сасыркуа спасается от гибели [Джапуа № 256, 880]; невестки нартов пытаются погубить Гунду-красавицу [Джапуа № 674–675, 677–680, 682–684]; Щаруан мстит великанам за смерть предков и героически умыкает невесту [Джапуа № 735–736, 749–750, 755]; нарты спасают свою сестру от дракона [Джапуа № 873] (подробнее см. [Джапуа 2016: 197–207]).

В другом случае сказительницы передают тексты в форме мифологических преданий, в мифологическом изложении. Например: Сасыркуа приручает дикого коня [Джапуа № 286–287]; Сасыркуа сбивает созвездие [Джапуа № 854]; Сасыркуа поднимается на луну на вечный покой [Джапуа № 411]; Сасыркуа случайно затмевает луну и солнце [Джапуа № 427]; человек, заночевавший в могиле Сасыркуа, устраивает по нему поминки [Джапуа № 388, 439, 448] (подробнее см. [Джапуа 2016: 207–212]).

Установлено, что «из иных жанров фольклора в наибольшей степени в нартский вовлекаются сказки — волшебные и волшебнo-героические, а также мифологические предания. Сюжеты, эпизоды и мотивы этих иножанровых пластов в эпическом повествовании предстают в разных контекстуальных измерениях» [Джапуа 2016: 184]. Этим и подтверждается сказочно-мифологическая манера исполнения нартских сказаний женщинами-сказителями. Для некоторых из исполнительниц такая особенность настолько естественна, что они сами называют нартские сказания сказками.

В свете этих наблюдений логичен вывод, что в творчестве женщин-сказительниц главную роль играет индивидуальный творческий подход, импровизация. Отдельные тексты наших сказительниц с полной убежденностью можно считать результатом их индивидуальной исполнительской манеры, импровизации в рамках мифоэпической традиции. См., например, тексты: [Джапуа № 63–67, 346, 427, 808–809, 854, 965].

Как отмечают исследователи, «женщины-сказительницы у многих народов учились, в основном слушая своих матерей, теток, подруг, в меньшей степени — отцов и вообще мужчин» [Путилов 1997: 26]; «передача сказительства шла строго по женской линии: от прабабушки, бабушки, матери» [Варламова 2008: 176]. Судя по всему, в абхазской сказительской традиции такой строгости не было; по имеющимся сведениям, женщины-сказительницы усваивали свое эпическое знание преимущественно у мужчин-сказителей.

Литература

Варламова Г. И. Женская исполнительская традиция эвенков (по эпическим и другим материалам фольклора). Новосибирск, 2008. 231 с.

Джапуа З. Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика / Отв. ред. А.И. Алиева, В.В. Напольских. М., 2016. 381 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Нарты: Абхазский героический эпос / Составитель и редактор З. Д. Джапуа (рукопись на абхазском языке).

Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост.: Р.А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.З. Холаев; вступ. статья, коммент. и глоссарий Т.М. Хаджиевой; пер.: Т.М. Хаджиевой, Р.А.-К. Ортабаевой; отв. ред. А.И. Алиева. М., 1994. 655 с.

Нарты: Адыгский героический эпос / Сост.: А.И. Алиева, А.М. Гадагатль, З.П. Кардангушев; вступ. статья. А.Т. Шортанова; пер. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева; отв. ред. В.М. Гацак. М., 1974. 415 с.

Нарты: Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2 / Сост. Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров; вступ. статья В.И. Абаева; пер. А.А. Дзантиева и Т.А. Хамицаевой; коммент. и глоссарий Т.А. Хамицаевой; отв. ред. У.Б. Далгат. М., 1989. 492 с.

Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М., 1997. 295 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).